

дороги и бежать тайными тропами, излагать несчастья той страны, откуда они родом, в нескольких словах, чтобы, как очевидно, они не стали заметны. Но особенно большая нелепость состоит в том, что столь доблестный Король, славной памяти дон Жоан, правление и королевство которого есть пример для подражания, принимается ими за благородного и могущественного короля дона Хуана Кастильского, и часть его благодеяний остаются невосславленными, как того заслуживают, а другие опускаются, будто их и не было, и такое осмеливаются обнародовать при жизни тех, кто был его соратником, хорошо знающих, что все было наоборот. Мы, несомненно, придерживаемся другого образа мыслей, отринув всяческую привязанность, которую можем иметь по указанным выше причинам; нашим желанием было написать в этом труде правду, в благом порыве оставив всякое фальшивое восхваление, и открыто показать народу, такими или совсем иными были события, в том образе, какой они имели.

И если Господь Бог позволит нам то, в чем он не отказал другим и согласился познать в их книгах явную достоверность истины, без сомнения, и мы не желаем лгать, не только обманывая относительно того, что мы знаем, но и просто ошибаясь, точно так же, как совсем иное — не заблуждаться, но думать, что истинно то, что ложно. И мы, обманываясь в силу невежества старых писаний и разных сочинителей, вполне можем ошибиться; ибо человек, когда он пишет о том, в чем не уверен, или рассказывает меньше, чем было, или говорит гораздо долее, чем должен; но ... ложь так чужда нашим желаниям. О! с какой старательностью и тщанием мы просмотрели огромные томы книг, на разных языках и из разных стран; а также официальные бумаги из многих собраний грамот и других мест, из которых после долгих бдений и великих трудов не можем уже почерпнуть достоверности большей, чем содержится в этом труде.

И найдя в некоторых книгах противоречия тому, о чем сей труд повествует, сочтите, что это сказано несознательно, но в большом заблуждении. А если другие, быть может, будут искать красоту и новизну слов, а не достоверность истории, их огорчит наш непышный язык, который им легко слушать, а нам стоило большого труда создать.

Но мы, не озаботясь их мнением, оставив сложные и напыщенные рассуждения, которые столь услаждают тех, кто им внимает, простую истину полагаем превыше приукрашенной лжи. Не сочтите, что мы утверждаем что-либо, кроме того, что хорошо доказано писаниями, достойными веры; в то же время мы предпочитаем промолчать, чем написать ложь.

Какое бы место ни занимала красота и изысканность слов, всего нашего тщания недостаточно, чтобы выразить голую истину.